

Е.А. Завершинская

Новосибирский государственный педагогический университет

**Французское пространство
в романе Л. Толстого «Анна Каренина»**

Аннотация: В статье предложено описание Французского городского текста, активно функционирующего во французской литературе и заимствованного Л. Толстым.

The article concerns the description of French city text that functions actively in French literature and borrowed by Leo Tolstoy.

Ключевые слова: Городской текст, Французский текст, адюльтер, пространство, пространство Парижа, пространство провинции, Г. Флобер, Л. Толстой, «Анна Каренина».

City text, adultery, space continuum, French space continuum, province space continuum, G. Flober, L. Tolstoy, «Anna Karenina».

УДК: 821.161.1.09 «18».

Контактная информация: Новосибирская обл., Куйбышев, ул. Молодежная, 7. КФ НГПУ, филологический факультет. Тел. (38362) 51616. E-mail: nauka@kfgngu.ru.

В литературном произведении художественное пространство – это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие. Это, по словам Ю.М. Лотмана, «не пустотелый сосуд, а один из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение» [Лотман, 1997, с. 628].

В современном литературоведении обозначился новый аспект изучения данной категории – пространство города или городской текст, представляемый иногда в качестве гипертекста.

Изучение городских текстов (гипертекстов) является одним из приоритетных направлений в современной науке. Обращение к проблеме диктуется желанием осмыслить город как целостное символическое пространство. Начало изучению городского текста было положено работами Н.П. Анциферова, посвященными исследованию образа Петербурга.

Наиболее полно проблема исследования структуры городского текста как явления словесной культуры была представлена в трудах В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана. Понятие «городской текст» было теоретически обосновано В.Н. Топоровым в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления». Городской текст, отмечает В.Н. Топоров, – это то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки» [Топоров, 1995, с. 368].

Ю.М. Лотман считает, что, «реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является

не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно» [Лотман, 1992, с. 13–14].

С опорой на предложенную В.Н. Топоровым идею Петербургского текста в русской литературе были выделены и исследованы Итальянский (С.Л. Константинова) и Венецианский тексты (Н.Е. Меднис).

Нами предпринята попытка исследования Французского текста, берущего свое начало в Парижском тексте. Данный текст складывается уже в западноевропейской литературе, в которой формируется устойчивое представление о французском романе как об адюльтерном, что свидетельствует о прочной связи между французским и адюльтером.

Непосредственно во французской литературе формируется оппозиция провинция – Париж, в которой столица (в последующих интерпретациях) перенимает на себя значение французского. При этом Париж, выступает в качестве центра всевозможных пороков. О существовании оппозиции свидетельствует, например, роман А. Дюма «Парижане и провинциалы». Э. Сю рассматривает только одну из сторон оппозиции в романе «Парижские тайны». О. де Бальзак в своем цикле «Человеческая комедия» выделяет отдельно «сцены провинциальной жизни» и «сцены Парижской жизни».

В свою очередь, пространственным центром «Человеческой комедии» О. де Бальзака, изображающей пороки современного ему общества, является Париж. Г. Флобер в письме к Максиму дю Кану так отзывается о современной ему столице: «Вот где дыхание жизни, говоришь ты, указывая на Париж. По-моему, твое дыхание жизни частенько отдает запахом гнилых зубов. Парнас, куда ты приглашаешь меня, выделяет, на мой взгляд, больше миазмов, чем упоений. <...> Люди имеются повсюду, сударь мой, а вот обмана в Париже больше, чем где бы то ни было, – с этим я согласен. Одна вещь, несомненно, приобретает в Париже – это нахальство, а оно чего-нибудь да стоит. Тот, кто, получив воспитание в Париже, стал все же настоящим человеком, должно быть родился полубогом» [Флобер, 1956, с. 56].

У О. де Бальзака невинность и чистоту нравов можно было обнаружить, но только в провинции. Г. Флобер в романе «Госпожа Бовари» показывает как провинция постепенно подвергается влиянию столицы, оказывающей свое развращающее действие.

В представлении героини романа Эммы Бовари Париж – это воплощение аристократизма, манер, соответственно все аристократы, встречающиеся в романе, воспринимаются ею как представители парижского общества, для которого характерны свобода нравов, следование желаниям своего тела. Так, например, решающим доводом в пользу адюльтерной связи с Леоном для Эммы явились слова с указанием нравов Парижа: «Понимаете, это очень неприлично! – Почему? – возразил Леон. – В Париже все так делают! – Это был для нее самый веский довод» [Флобер, 1971, с. 280].

О Париже мечтает Эмма, выписывая модные столичные журналы. В Париж уезжает Леон и по возвращении становится любовником Эммы. А.Ф. Ивашенко отмечает: «Представления Эммы о Париже совпадают с представлением Омэ о нем (разглагольствования Омэ о Париже перед Леоном, собирающемся уехать в столицу). Париж в глазах обывателя Омэ, это центр мещанских вожделений, воплощение идеала мещанина» [Ивашенко, 1955, с. 61].

Таким образом, формирующийся во французской литературе XIX века парижский текст получает ряд постоянных значений. Отныне парижское связывается со всевозможными пороками, адюльтером, фальшью.

С той же семантической наполненностью Парижский текст переходит в русскую литературу, при этом становясь неотъемлемой частью французского текста. Французский текст встречается в некоторых произведениях А.С. Пушкина. В незаконченном романе «Арап Петра Великого» местом адюльтера оказывается Париж.

Мотив адюльтера появляется и в комедийном отрывке «Через неделю буду в Париже непременно». Как справедливо заметила Л. Вольперт, оба эти отрывка связаны с Парижем, так как «с этим топосом мотив адюльтера в сознании русских связывался органично и естественно» [Вольперт, 1998, с. 284]. Перенос данного мотива на русскую почву произошел в плане к роману «Светский человек». Но и здесь есть немаловажная деталь: план написан на французском языке, от чего может показаться, что место действия – все тот же Париж. «Осторожно, как бы не желая прямо обозначить новый топос, маскируя его, используя косвенные знаки, писатель решает нарушить привычные представления и перенести действие адюльтера на русскую почву», – пишет Л. Вольперт [Там же, с. 285].

В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» французский текст представлен наиболее ярко. Роман начинается с упоминания внебрачной связи Стивы Облонского с гувернанткой французской; в повествовании о «холостой» жизни Вронского упоминается о французском театре, где, судя по всему, последний бывал неоднократно. Упоминание французского театра связано с миссией Вронского, который выступает в качестве миротворца поссорившихся на почве адюльтера супругов.

В приведенных примерах мы наблюдаем упоминание французского в связи с адюльтером. В дальнейшем эта связь все более углубляется. Так, например, упоминание французского способа выходить замуж должно подвести читателя к размышлению о причинах адюльтера.

Еще одно значение французского в романе появляется в размышлениях Левина: «И для чего она говорит по-французски с детьми? – подумал он. – Как это неестественно и фальшиво! И дети чувствуют это. Выучить по-французски и отучить от искренности», – думал он сам с собою...» [Толстой, 1988, с. 270]. В этом случае французское становится синонимом фальши.

В последний раз французское упоминается в заключительном эпизоде, когда Анна едет в вагоне поезда, а находящиеся в том же купе супруги говорят по-французски: «Получив ее согласие, он заговорил с женой по-французски о том, что ему еще менее, чем курить нужно было говорить» [Толстой, 1988, с. 720].

Анна оказалась окруженной фальшью со всех сторон, что, на наш взгляд, послужило толчком к совершенному ею поступку.

Французский текст в романе «Анна Каренина» представлен и еще на одном уровне – литературных реминисценций. Так, упоминание в произведении лошади Вронского Фру-Фру должно было напомнить отечественной публике о пьесе Мейлака и Галеви «Frou-Frou», популярной и на русской сцене. Фабула этой пьесы напоминает фабулу романа Л.Н. Толстого: Фру-Фру напрямую соотносится с Анной и тем самым предвещает ее гибель.

Таким образом, французский текст в романе Л.Н. Толстого обладает определенным набором постоянных значений, берущих свое начало непосредственно во французской литературе. Упоминание французского должно подчеркнуть, как порочный, фальшивый мир окутал Анну, приведя ее к смерти.

Литература

- Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М., 1998.
- Иващенко А.Ф. Гюстав Флобер: Из истории реализма во Франции. М., 1955.
- Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 2.
- Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб., 1997.
- Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман. М., 1988.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
- Флобер Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 5.
- Флобер Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1971.